

Бэйшэн сидел за пианино, примостившимся на самом краю сцены. Актный зал в детском саду был совсем крошечным, но сам садик считался образцовым и обеспечивал своим воспитанникам лучшие условия. С детьми здесь занимался профессиональный учитель музыки, так что и в хороших инструментах недостатка не водилось.

Выступление мальчика не было сольным: он обеспечивал музыкальное сопровождение для целой гурьбы прыгающих и скачущих ребятишек. Для этих малышей четырех-шести лет танец превратился в веселое баловство. Они то и дело путали движения, сбивались с ритма, а то и вовсе застывали посреди сцены с глуповатым видом, явно позабыв, зачем их вообще сюда вывели.

В зрительном зале то и дело раздавался дружный родительский смех. Разумеется, никто не ждал от детсадовцев балетной точности. Мамам и папам хватало самого вида своих чад на сцене: даже если ребенок просто глупо застывал посреди номера, для родителей это уже становилось поводом для гордости и хвастовства перед знакомыми.

На этом фоне Бэйшэн смотрелся настоящим профессионалом. С сосредоточенным лицом он старательно перебирал клавиши, извлекая звонкие, чистые звуки, и даже волны смеха, докатывавшиеся из зала, не могли сбить его с ритма.

С первой же секунды, как мальчик сел за инструмент, Ван Сюань поднял видеокамеру. Он непрерывно снимал происходящее, держа Бэйшэна в фокусе и лишь изредка переводя объектив на других детей. Номер Бэйшэна шел третьим по счету, так что публика еще не успела устать и принимала артистов очень тепло.

— А у нашего Бэйшэна талант, — негромко шепнул Ван Сюань, не отрываясь от видеоискателя.
— Посмотри, с каким серьезным видом играет, просто прелесть. Может, стоит и дальше развивать это направление? Вырастет — станет известным музыкантом.

Гоудань в музыке ровным счетом ничего не смыслил — откуда у деревенского парня взяться тонкому слуху? Но то, что младший без запинки отыграл свою партию и ни разу не стушевался перед толпой, он посчитал безусловным успехом. Стоит ли прочить Бэйшэну карьеру пианиста — вопрос открытый, ведь парню едва исполнилось семь. Впрочем, сейчас семья твердо стояла на ногах, и если мальчик захочет посвятить жизнь искусству, никаких финансовых препятствий ему чинить не станут.

Как только номер завершился, Ван Сюань показал Бэйшэну большой палец. Глаза мальчишки радостно заблестели. Спустившись со сцены, он тут же примчался к своим и ласково прижался к боку Ван Сюаня.

Последующие выступления могли тронуть разве что сердца родителей, смотревших на сцену сквозь призму безграничной любви. Для стороннего же зрителя это было довольно утомительное зрелище. За два часа концерта Гоудань успел извертаться на своем стуле, сменив десяток поз. Первые полчаса еще теплился какой-то интерес, но затем однотипные танцы и писклявые песенки превратились в откровенную пытку. Он только и думал о том,

когда же наконец опустят занавес.

Сказать с чистой совестью, что концерт ему понравился, Гоудань бы не смог при всем желании. Подобная самодеятельность кажется милой лишь любящим родителям, которые у своих чад готовы восторженно принимать абсолютно всё.

Ван Сюань заметил, что терпение названного брата на исходе. Сверившись с часами, он тихонько толкнул его плечом:

— Потерпи еще немного, это предпоследний номер. Буквально несколько минут осталось.

Гоудань с каменным лицом притянул Бэйшэна к себе на колени. Разомлевший от усталости ребенок послушно уткнулся затылком в широкую грудь старшего брата. Из-за вечной занятости и солидной разницы в возрасте Гоудань редко ласкал младшего — за все эти годы он обнимал его, пожалуй, раз пять, не больше.

Теперь же он с удивлением почувствовал, какой Бэйшэн мягкий и как приятно от него пахнет детским мылом. Ощущение было непривычным, но теплым. Когда этот бесенок не носился по дому и не кричал, он казался на редкость милым созданием.

Несмотря на зимнюю стужу за окном, в душном, забитом до отказа зале Гоудань взмок. Двери держали закрытыми, вентиляция не справлялась, дышать было практически нечем. Когда объявили финал, парень облегченно вздохнул.

После концерта Ван Сюань сразу же смочил платок теплой водой и бережно стер с лица Бэйшэна клоунский грим. Мальчик уже больше года жил в столице, не лазил по горам и не купался в грязных речушках, отчего его кожа стала нежной и белой. Зачем воспитатели додумались так густо набелить и подрумянить щеки ребенка ради пятиминутного выступления — оставалось только гадать.

Вся троица устроилась в машине и покатила к ресторану, где заранее был забронирован столик. Гоудань решил закатить пир горой, чтобы вознаградить маленького артиста за труды. Бэйшэн к этому времени изрядно проголодался. Стоило официанту принести легкие закуски перед основным блюдом, как мальчик принялся торопливо запихивать их за обе щеки. Но стоило ему сделать пару укусов, как он вдруг испуганно пискнул и выплюнул на тарелку сгусток розовой пены вперемешку с кровью.

Мальчик замер с вытаращенными от ужаса глазами. Гоудань и Ван Сюань, сидевшие напротив, обомлели.

— Что... что с тобой?! — запаниковал Гоудань. Он вскочил, собираясь сгрести братишку в охапку и мчаться на улицу к машине, но Ван Сюань вовремя перехватил его руку.

— Сядь и не дергайся, я сам посмотрю, — твердо осадил его Ван Сюань.

Гоудань хлопнул себя по лбу: в панике он совсем позабыл, что перед ним сидит квалифицированный врач, блестяще разбиравшийся как в традиционной китайской, так и в западной медицине.

Ван Сюань мягко приподнял лицо плачущего Бэйшэна за подбородок.

— Ну-ка, не плачь, все хорошо. Открой ротик, покажи дяде А-Сюаню, — ласково приговаривал он, пальцами осторожно раздвигая губы испуганного ребенка, чтобы проверить, не порезал ли тот небо или горло. Ватных палочек под рукой не оказалось, пришлось осматривать вслепую. Вскоре Ван Сюань нащупал источник кровотечения и, шире раскрыв рот мальчика, тихо рассмеялся.

Тем временем Гоудань уже вовсю распекал подбежавшего официанта, требуя объяснений. Неужели в изысканном десерте попался осколок стекла или острая щепка?

Бедный официант побелел от страха. В столь престижное заведение простые люди не ходили, и любой скандал с высокопоставленными гостями грозил обернуться катастрофой для персонала. Вид залитого кровью детского рта до смерти напугал беднягу, но он и понятия не имел, как такое могло произойти.

К столику поспешно подбежал встревоженный администратор, заламывая руки, но в этот момент Ван Сюань отпустил подбородок Бэйшэна и облегченно вздохнул:

— Все в порядке, ложная тревога.

«Как это в порядке?» — мысленно взвыл менеджер, глядя на окровавленные салфетки.

Оказалось, что у Бэйшэна просто начался естественный процесс смены зубов. Нижний резец и так едва держался, а вязкое, липкое тесто десерта сработало не хуже стоматологических щипцов. Одно неловкое движение челюстью — и молочный зуб, едва державшийся на волоске, отделился от десны. Естественно, пошла кровь, перепугавшая не заглядывавших мальчику в рот старших.

Убедившись, что ресторан ни при чем, администратор облегченно перевел дух. Однако в качестве извинения за переполох — и чтобы сгладить неприятное впечатление от травмоопасного десерта — заведению все же пришлось преподнести гостям бесплатное фирменное блюдо от шеф-повара.

Когда нелепость ситуации прояснилась, Бэйшэн, на чьих ресницах еще дрожали крупные слезы, наконец шмыгнул носом и поверил, что не умрет прямо здесь. Его черные круглые глазенки снова заблестели любопытством. Ван Сюань велел убрать испачканную посуду, еще

раз осмотрел лунку и убедился, что кровь остановилась.

— Да уж, заработались мы совсем, — покачал головой Ван Сюань, обращаясь к Гоуданю. — Забыли, что в семь лет у детей начинают выпадать молочные зубы. Сколько времени с нашего собственного детства прошло... — Он перевел взгляд на притихшего мальчика: — И ты хорош, Бэйшэн. Зуб ведь наверняка шатался уже не один день. Почему молчал?

— Я не знал, — пролепетал Бэйшэн тонким, все еще дрожащим голоском.

Откуда ему было знать такие тонкости? Десна в последнее время чесалась и немного ныла, поэтому он от скуки расшатывал мешающий зуб пальцами или лизал его языком. О том, что зубы могут выпадать сами по себе, он даже не догадывался.

— Эх ты, недотепа, — ласково улыбнулся Ван Сюань, потрепав его по макушке. — Если что-то болит или беспокоит — сразу говори нам. Забыл, что у тебя старший брат — врач?

— Угу, — кивнул Бэйшэн, все еще переживая недавнее потрясение. Ему действительно на мгновение показалось, что его дни сочтены.

— И запомни: передние зубы выпадают у всех, на их месте обязательно вырастут новые, крепкие. Только не вздумай постоянно трогать языком эту дырку, иначе зубы криво вырастут, будешь ходить как кролик. Если почувствуешь, что шатается другой зуб — скажи мне, я сам аккуратно удалю. Самому рвать нельзя, повредишь десну — новые вырастут кривыми и вразнобой.

— Фё равно хофетфя... — прошепелявил Бэйшэн, смешно свистя через образовавшуюся щель.

Ван Сюань ласково погладил его по голове:

— Вот, выпей теплого бульона, чтобы смыть вкус крови. Начнем есть — сразу забудешь про свою дырку.

— Вот же недоразумение, даже поесть спокойно не может, — притворно проворчал Гоудань, хотя в душе заметно расслабился. Собственное детство казалось ему бесконечно далеким. Он уже и думать забыл, как сам менял зубы. Тогда, в деревне Сикань, жизнь была куда суровее — все мысли крутились вокруг того, где бы раздобыть еды, чтобы не лечь спать голодным. А когда в их доме появился Ван Сюань, они и вовсе позабыли обо всем на свете, целыми днями пропадая на улице. Такие мелочи, как выпавшие зубы, стерлись из памяти.

— Вернемся домой — позвони отцу, расскажи, что у тебя первый зуб выпал, — сказал Гоудань. — И спроси заодно, когда они собираются в столицу... Хотя ладно, лучше я сам наберу.

Их отец, Ли Сы, и его жена Яо Юньлань словно пустили корни в родной деревне и наотрез

отказывались переезжать в Столицу. Другие крестьяне отдали бы все за возможность закрепиться в столице, но этих двоих городская суета ни капли не прельщала.

В Сикань наконец провели электричество, и Гоудань сразу же обустроил родительский дом по последнему слову техники: отправил туда цветной телевизор, холодильник, новенькую рисоварку и даже электрическую плитку. Готовить теперь можно было без лишней копоты, в одно нажатие кнопки.

Но бережливые старики, конечно, экономили каждую копейку и по старинке разжигали дровяную печь. Домашний стационарный телефон Гоудань тоже оплачивал сам — тарифы кусались, и знай Ли Сы реальную стоимость межгорода, у него бы точно прихватило сердце. Бэйшэн, к слову, быстро освоил нехитрый аппарат и частенько болтал с родителями по вечерам.

Наличие телефона в доме Ли Сы быстро сделало его местной достопримечательностью. Деревенские парни, уезжавшие на заработки в южные регионы, повадились оставлять родственникам именно его номер. Ли Сы регулярно жаловался старшему сыну по межгороду: мол, соседи совсем стыд потеряли, часами висят на трубке и бессовестно тратят чужие деньги.

Гоудань терпеливо выслушивал эти причитания, а потом созвонился с Дачжуаном и предложил выход. Он велел переоборудовать старую пристройку у забора под небольшую лавку, прорубив в стене окно наружу. Отец с мачехой все равно маялись от безделья, а так у них появилось бы непыльное дело и стабильная копейка. Телефон же решили сделать платным — брать с односельчан небольшую плату за минуту разговора, чтобы окупать счета. И людям удобно, и старикам выгода. Идеальное решение, устроившее абсолютно всех.

К тому же деревья, которые Гоудань когда-то посадил вдоль ведущей к усадьбе дороги, успели раскинуть широкие тенистые кроны. Летом здесь всегда царил приятная прохлада. Ли Сы каждое утро тщательно подметал эту аллею, превратившуюся в излюбленное место для прогулок всей деревни. Под жестяным навесом у ворот установили телевизор, и теперь с утра до вечера у дома толпились люди, обсуждая новости. Ли Сы и Яо Юньлань не знали, что такое одиночество — их усадьба гудела как растревоженный улей.

Обретя столь захватывающее «дело жизни», супруги, казалось, напрочь забыли, что в далекой Столице у них подрастает младший сын. Они со спокойной совестью спихнули Бэйшэна на попечение старших братьев. Впрочем, Ли Сы никогда не отличался педагогическими талантами — Гоуданя и Ван Сюаня он в свое время растил на абсолютном самотеке, так что теперь, когда младший оказался в надежных руках, старик окончательно выкинул заботы из головы. Он даже отказался от нанятой Гоуданем прислуги. Гоуданю оставалось лишь развести руками и не мешать отцу жить в свое удовольствие.

Новый год был уже на носу, а родители даже не заикались о поездке в столицу. Похоже, праздники они планировали встречать в деревне. Гоудань и сам не горел желанием ехать на родину: в прошлый его визит у порога выстроилась целая очередь из уездных чиновников и партийных лидеров, которые наперебой выпрашивали многомиллионные инвестиции в развитие региона. От одних этих воспоминаний у него начинала раскалываться голова.

Все эти разговоры о «возвращении на родину в сиянии славы» и «долге перед земляками» нагоняли на него тоску. Безусловно, за последние годы его предприятие выделило немало средств на благотворительность: они проложили отличную асфальтированную дорогу от Сикани до уездного центра, отстроили новый корпус для начальной школы и подарили библиотеку его родной гимназии.

Но коммерческие инвестиции — это не благотворительность. Любой серьезный проект требует вложений в десятки миллионов юаней, и руководствоваться одними лишь сентиментальными чувствами к родным местам бизнесмен не имел права. Проект должен окупаться, иметь четкие перспективы развития — это вопрос ответственности перед акционерами и законом рынка.

Увы, их провинция испокон веков оставалась сугубо аграрным краем. Ни ценных ископаемых, ни развитой инфраструктуры — развивать здесь производство на данном этапе было чистейшим безумием. Приходилось занимать выжидательную позицию.

Чиновники отлично все понимали, но упустить шанс примазаться к успеху знаменитого земляка не могли. Корпорация «Триумф» гремела на всю страну, а по слухам, за ней стояли весьма влиятельные покровители из высших эшелонов власти. Кто бы отказался залучить такого гиганта в свой регион?

Праздничный ужин, который должен был стать наградой за выступление, оказался безнадежно испорчен. Из-за выпавшего зуба Бэйшэн ел с крайней осторожностью: отправлял в рот крошечный кусочек, а затем долго ощупывал языком пустую лунку, боясь разбередить нежную десну. Еда то и дело проваливалась в образовавшуюся щель, доставляя мальчику массу неудобств.

— Ешь давай, не балуйся, — Гоудань легонько потрепал Бэйшэна по макушке. — На улице, кажется, снег начинается. Не хватало еще возвращаться в гололед по темноте.

Он невольно покачал головой: «И в кого он такой робкий да изнеженный уродился? Подумаешь, молочный зуб выпал, а слез-то было — как на похоронах».

Гоудань твердо решил, что при первой же возможности займется воспитанием характера у младшего брата. Мужчина должен быть кремнем, а не плаксой.

<http://bllate.org/book/19654/1996888>